

A composite image featuring three people. In the top left, a woman with dark hair is smiling and holding a baby. In the foreground, a man with dark hair and a beard is looking back over his right shoulder. In the middle right, a woman with long, wavy blonde hair is looking towards the camera with a serious expression. The background is a soft-focus indoor setting.

ПОЛУНА
РЕИ

ТВОЯ ЖЕНА ТЕБЕ
НЕ ПАРДА

Полина Рей

Твоя жена тебе не пара

«Автор»

2023

Рей П.

Твоя жена тебе не пара / П. Рей — «Автор», 2023

- Он влюбился в неё... влюбился, я знаю. Я шептала эти слова, пока меня пыталась успокоить Лера, моя лучшая подруга. - А если ты ошибаешься, Нюр? У вас же дочь вон только родилась... Не может же Кир быть таким... Она запнулась, а я продолжила за подругу: - Дерьмом? Вскинула взгляд на Леру и вынесла вердикт: - Очень даже может. Это была вторая измена моего мужа. Я простила его два года назад, приняла обратно... Думала, что всё позади. У нас начался ещё один медовый месяц, потом я забеременела и родила долгожданную дочь. И вот теперь он снова со своей вертихвосткой. Только теперь у Кира к ней чувства. А Мари... Мари красивая, стройная, молодая. И она считает, что я своему мужу вовсе не пара.

© Рей П., 2023

© Автор, 2023

Полина Рей

Твоя жена тебе не пара

– Он влюбился в неё... влюбился, я знаю.

Я шептала эти слова, пока меня пыталась успокоить Лера, моя лучшая подруга.

– А если ты ошибаешься, Нюр? У вас же дочь вон только родилась... Не может же Кир быть таким...

Она загнулась, а я продолжила за подругу:

– Дерьмом?

Вскинула взгляд на Леру и вынесла вердикт:

– Очень даже может.

Это была вторая измена моего мужа. Я простила его два года назад, приняла обратно... Думала, что всё позади. У нас начался ещё один медовый месяц, потом я забеременела и родила долгожданную дочь.

И вот теперь он снова со своей вертихвосткой. Только теперь у Кира к ней чувства.

А Мари... Мари красивая, стройная, молодая.

И она считает, что я своему мужу вовсе не пара.

Марианна открыла мне сразу. Как будто только и делала, что ждала моего визита. А я тянула с ним, намеренно откладывая тот момент, когда передо мною предстанет любовница моего мужа. Когда я начну вести с нею беседу, хотя единственное, чего мне хотелось, увидев её улыбающуюся физиономию, – вцепиться в неё и располосовать до неузнаваемости.

– Я знала, что ты появишься, – проговорила Марианна, Мари, как её называл мой муж Кирилл, после чего развернулась и направилась внутрь квартиры.

В прошлый раз, когда я поймала Кира на горяченьком, он снимал своей распрекрасной Марианне гораздо более скромные апартаменты. Да и денег у нас тогда было не так чтобы очень много. Это за последние пару лет Михайлов стал зарабатывать в разы больше, сменив опостылевшее место, на котором трудился с тех пор, как окончил институт, на более перспективное.

– Чаю не предлагаю, разговор вряд ли растянется надолго, – проговорила Мари.

За эти два года, что мы не виделись, она похорошела и расцвела ещё больше. Из двадцатилетней девчонки, которая смотрела на мир и Кирилла чистыми голубыми глазницами, она превратилась в настоящую красавицу. Разве что сделала это не без помощи хирургов и уколов красоты. Не пренебрегала ни филлерами, ни надутыми губами, правда, стоило признаться самой себе, всё было сделано без перебора и только украсило Марианну, убрав те крохотные недостатки, что имелись в её внешности до косметологических вмешательств.

– Ты же в курсе, что у Кирилла маленькая дочь? – начала я, войдя следом за Марианной на кухню.

Это было уютное помещение, с кучей навороченной техники. Я так и представляла, как Мари готовит здесь ужин, чтобы наскоро попотчевать им Кирилла, приезжающего к ней после работы. А потом они идут в спальню. Наверняка здесь есть комната с настоящим сексодромом, на котором можно лежать хоть вдоль, хоть поперёк. И не только лежать...

– Я в курсе, конечно, – кивнула Марианна. – И если, точнее когда, Кир ко мне уйдёт, я не буду против того, чтобы он с нею виделся. Пока не хочу детей, так что можешь не волноваться – в жизни Алисы он принимать участие будет.

Она говорила о таких серьёзных вещах совершенно спокойным размеренным тоном. Вонзала в моё сердце тысячи и тысячи игл, и, как мне казалось, отдавала себе отчёт в том, что делает мне непомерно больно. Наслаждалась ли при этом Мари? Я не знала. Но предполагала, что долю садистического удовольствия она всё же испытывает. Просто невозможно его не ощущать, когда напротив стоит тридцатилетняя несчастная жена, немного расплывшаяся

после беременности и родов, а ты, такая стройная, как статуэтка, красивая, словно фарфоровая куколка, вещаешь ей о том, что вскоре её муж от неё уйдёт.

– Мой муж собирается жить с тобой? – задала я вопрос, отчаянно ругая себя за то, как жалко при этом прозвучал голос.

– Собирается, – пожала она плечами. – И я думала, ты знаешь. Иначе бы тебя здесь не было.

Она легко и грациозно опустила на стул и сложила длинные ноги в шиколотках, вытянув их перед собою. Я могла бы сейчас устроить этой стерве разнос. Вцепиться в её блондинистые локоны, чуть подвитые на концах, выдрать пару клоков... Но это ничего бы не решило. Напротив, оттолкнуло бы Кира ещё сильнее.

Нет, муж вовсе не бегал от меня, как от прокажённой. Он знал, что я в курсе его второй измены, его повторных отношений с Марианной. Михайлов полностью выполнял свои обязательства, касающиеся дочери, но между нами, как между мужем и женой, была огромная пропасть. Она появилась далеко не сразу, влюбился муж в Мари не тотчас, как они встретились вновь... Кстати, а как это случилось?

– Почему вы с ним сошлись опять? – спросила я, решив, что мне станет легче, если буду знать обо всём подробнее.

– Это стечение обстоятельств. Пересеклись у общих знакомых, даже не знали, что так получится.

Она снова пожала точёными плечиками. Я невольно засмотрелась на то, как двигается и ведёт себя Марианна. Словно каждый её жест и каждый взгляд были доведёнными до совершенства. Но это не выглядело наигранно. Напротив, всё было очень органичным и настоящим. Не зря Кирилл, увидев Мари снова, на неё повёлся.

– Мой муж говорил тебе о чувствах? – решила я добить саму себя, раз уж всё и так зашло дальше некуда.

Я спрашивала об этом не просто так. Помнила первый поход Кирилла налево. Да, тогда у нас были определённые трудности в отношениях, которые и привели к тому, что Михайлов увлёкся этой молоденькой девчонкой, но сейчас ведь всё было иначе. Мы много работали над тем, чтобы наша семья лишь крепла с каждым днём, а вышло вон как... Он не просто сошёлся с Марианной... Он наверняка в неё начал влюбляться. Я это ощущала всем своим нутром.

– Зачем ты об этом спрашиваешь? – ответила вопросом на вопрос Мари.

Щёки её при этом заалели, и я поняла: попала точно в цель.

– Нет, я правда не понимаю. Это ведь, должно быть, очень больно... – задумчиво проговорила Марианна.

– Очень больно, когда два месяца назад ты рожашь мужу дочь, а вскоре оказывается, что он ложится в постель с другой? – хмыкнула я, не сдержавшись. – Да, поверь мне, приятного в этом мало.

– Так зачем ты занимаешься этим эмоциональным онанизмом? Или тебе будет легче, если я скажу, что буквально вчера вечером Кирилл отвёл меня в ресторан, где признался в любви? А потом сказал, что если его чувства взаимны, он сделает всё, чтобы развестись с тобой как можно скорее и жениться на мне?

Фыркнув, Мари закатила глаза. Это тоже выглядело органичным и даже красивым. Или может, всё дело в том, что я невольно ищу и нахожу подтверждение тому, что Кирилл уходит от меня не просто так, а у его поступка есть веские основания? Разница в возрасте, причём приличная? Да, она имелась, но играла, скорее, не на моей стороне, а против. То, что Марианна в рот ему наверняка смотрела и выполняла все прихоти, особенно постельные? Наверняка и в этом не ошибусь, если предположу, что именно так всё и обстоит. Я ведь знала, что Кирилл очень охоч до секса. А в последние полгода с этим у нас были конкретные такие проблемы. Сохранение, поздние месяцы беременности, довольно непростые роды... Да я даже

сейчас, когда прошло довольно много времени после рождения Алиски, не могла и помыслить об интиме.

Но ведь в других семьях люди тоже сталкиваются с подобным, и мужики, как я искренне надеялась, не бегут при первых же трудностях в койку к другим женщинам. Взять вон хотя бы Петра, мужа Лерки, моей лучшей подруги. Она выносила и родила двоих детей едва ли не подряд. Однако Парамонов ни словом и ни делом не дал понять, что он испытывает недостаток в сексе. Или, даже если дефицит с ним имелся, то желаний у Пети идти налево не появилось.

– Да, мне будет легче, – кивнула я, закусив губу до боли.

Взгляд скользнул по убранству кухни. Наткнулся на фотографию в простой, но изящной рамке, стоящей на невысоком холодильнике. На снимке были запечатлены Марианна и мой Кирилл. Улыбающиеся, счастливые... свободные.

– Ну так я тебе всё обрисовала. Были и ресторан, и признания, и даже кольцо, – проследив за моим взглядом и, видимо, решив отвлечь меня от рассматривания фото, один вид которого ранил моё несчастное сердце ещё сильнее, продемонстрировала мне помолвочную побрякушку Мари.

Я не особо разбиралась в ювелирке, но была уверена: Михайлов на покупку кольца не поспешил. Хотя, какая разница, стоило ли оно миллионы, или же было сделано из проволоки? Сути это не меняло.

– Странно... Кирилл ведёт себя со мною обычно, – пожав плечами и неожиданно начав испытывать злость, рождающуюся где-то в глубине души, сказала я Марианне.

Всего на мгновение, но во взгляде её голубых глаз мелькнули удивление и даже обида. Какая-то детская и весьма глупая. Неужели эта девочка сама была не уверена в том, что говорила? И в чувствах Кирилла, которые я ощущала рядом с ним так, как будто от него фонило радиацией, и в том, что он её с потрохами?

– Что значит – обычно? – потребовала ответа Мари, глядя на меня так, словно я была у неё в неоплатном долгу.

Но не успела я ответить и сказать, в общем-то, правду, которая состояла в том, что между нами были совершенно равные отношения, как и месяц, три, пять назад, любовница моего мужа добавила:

– Мне Кир говорил, что у вас очень давно нет секса. И знаешь, что? – Она окинула меня взглядом, в котором засквозила насмешливость: – Я ему верю.

Это дезориентировало и заставило застыть на месте, как будто я ждала удара. А он уже произошёл, этот удар. Нанесённый родными руками прямо в спину. Если всё же предположить, что Марианна не врала. Она, конечно, вполне могла просто надо мной так издеваться. Видя, что сейчас я ей внешне довольно сильно уступаю, пройтись по тому, что Кирилл вряд ли захотел бы ложиться со мной в постель.

– Ох уж этот Михайлов. Какой же лгунишка, – покачала я головой, с мрачным удовлетворением наблюдая за тем, как красивая мордашка Мари вытягивается от удивления.

Но она быстро взяла себя в руки и ответила:

– Лгунишка, похоже, вовсе не Кирилл. А кое-кто весьма конкретный.

Фыркнув, она поднялась на ноги и отошла к окну. Сложила руки на груди и склонила голову набок.

– Давай по пунктам. Я не знаю, что там тебе говорит Кирюша, когда вы наедине, да мне на это, честно говоря, плевать, но предлагаю сделать выводы. Кир не сегодня-завтра уйдёт ко мне и мы будем жить с ним вместе. Он и так здесь бывает чаще, чем дома. Дочь вашу он не бросит, будет её навещать. Алименты платить станет тоже. Делить вам особо нечего. Я помню, что он говорил про квартиру, которая досталась тебе от бабушки и в которую ты вцепилась, как клещ, не желая из неё уезжать. И ещё, что он сейчас обеспечил жильём отца и мать, так что претендовать на эти однушки ты не станешь.

Я стояла напротив Марианны, и только глазами хлопала от того, что эта мелкая девчонка говорит. Пришла сюда побеседовать про Кирилла и вовсе не рассчитывала услышать весьма циничные и меркантильные измышления, связанные, как я понимала, с нашим разводом и разделом имущества. Но если бы я не появилась на пороге снятой Михайловым для любовницы квартиры, я бы вообще не задумывалась о предстоящем расставании с Киром! Да, наши отношения были прохладными, но он ничем не показывал того, что собирается от меня уйти!

– Послушай, тебя унесло не в ту степь, – прервав поток слов на тему, о которой беседовать я стану только с мужем, сказала я. – Спасибо за информацию, которую ты предоставила, поразмышляю о ней на досуге.

Я ещё раз окинула кухню взглядом, и когда глаза нашли несколько вещей Михайлова, поняла, что оставаться здесь и дальше не смогу. А все последующие разговоры на тему Марианны буду вести исключительно с мужем.

– Ты зря дуешься, Анна, – сказала мне вслед Мари, когда я собралась выйти из кухни и отправиться домой. – Кир порядочный мужчина. Он не бросит ребёнка и будет платить деньги на содержание. Я не знаю, чего тебе ещё нужно и за что ты переживаешь.

Услышав слово «порядочный», прозвучавшее из уст этой малолетки, я запрокинула голову и расхохоталась. А она, меж тем, продолжала:

– Смейся-смейся... Вместо того, чтобы, например, исполнить мою давнюю мечту и свозить меня на месяц в Дубай, Кирилл сейчас будет рядом с Алисой, потому что она, видите ли, ещё очень маленькая.

Марианна не удержалась и поморщилась. Я, отсмеявшись, последовала её примеру. Любовница мужа хоть и старалась сдерживаться и не показывать своих эмоций, направленных в сторону нашей с Киром дочери, но её иногда, что называется, прорывало.

– Я очень этому рада, – вздохнув, сообщила Марианне. – Теперь ты ещё больше убедила меня в том, что мне не зря показалось, будто у нас с Киром всё по-старому.

Сказав это, я всё же покинула «гостеприимное» жильё Мари, после чего направилась домой. Уже зная, что как и в предыдущие несколько дней, когда только всплыла правда про то, что у Михайлова новый роман со старой знакомой, стану изводиться в родных стенах от ужаса и непонимания, что делать дальше.

Обнаружила я их переписку банально. Кирилл просто оставил телефон на видном месте, а я случайно зацепилась взглядом за всплывшее на его экране сообщение в мессенджере, которое начиналось со слова «любимый». Вряд ли так к нему обращались друзья или коллеги по работе, потому что у нас сразу же состоялся серьёзный разговор.

Михайлов скрывать ничего не стал, рассказал и про Марианну, и про то, что не понимает, как его угораздило вляпаться в отношения с нею снова. А я стояла, слушала его, а в груди моей расплзалась огромная дыра, края которой ещё не успели стянуться за те два года, которые прошли после первой измены.

Мне пришлось приложить усилия, чтобы выяснить, где он поселил Мари. Это сделать было тоже не трудно. Достаточно было покопаться в почте Кирилла, от которой у меня был пароль, а там уже обнаружили и договоры на аренду и всё, что мне было нужно.

И вот я посетила Марианну, но после разговора с нею ни черта не стало яснее. Потому что Михайлов убеждал меня лишь в одном: у нас с ним снова кризис в отношениях, и именно он всему причиной. А я, ещё не пришедшая в себя после родов, уязвимая от того, что у меня на руках был маленький ребёнок, который нуждался во мне на миллиард процентов, просто слушала его и понимала, что нахожусь не в ресурсе.

– Я здесь! – возвестила с порога Лерка, которая прибыла ко мне на помощь сразу же, как только я позвонила подруге и попросила забежать хотя бы на полчаса.

Алиска, слава всем богам, крепко спала и должна была продрыхнуть до вечернего кормления и прогулки, так что я могла вполне позволить себе поплакать на плече Леры. Она знала о том, что происходит, и, конечно, была полностью на моей стороне.

– Я была у неё... – обронила, когда мы с подружкой оказались на кухне, где я безжизненно опустилась на стул и закрыла лицо ладонями.

И стоило только Лере подойти ко мне и приобнять, как я разревелась. Тихо, чтобы не разбудить Алиску. Плакала навзрыд от того, как ужасно пекло внутри. Было горько, жутко, обидно.

– Он влюбился в неё... теперь я это точно знаю, – прошептала я, взяв со стола салфетку и отерев жгучие слёзы.

Подруга устроилась напротив и посмотрела на меня с сомнением во взгляде.

– А может, ты ошибаешься, Нюр? У вас же только дочка родилась... ну не может же быть Кир таким...

Она осеклась, как будто не досказала то, что само просилось наружу.

– Дерьмом? – подсказала я Лере, и та вздохнула и поджала губы. – Очень может быть, – меж тем, вынесла я свой вердикт. – Мне он говорит, что всё это ненадолго, что он сам себя не понимает, а ей... Ей он снял шикарную квартиру, сводил её в ресторан, где признался в любви и подарил кольцо на помолвку.

По мере того, как я рассказывала всё это и ещё миллион тех вещей, которые сейчас всплывали в памяти относительно встречи с Марианной, глаза Леры всё округлялись, а лицо вытягивалось.

Когда же я закончила, поняла, что подружке попросту нечего мне сказать. Но даже если бы она захотела поделиться впечатлениями от моего рассказа, не успела бы этого сделать.

В замке повернулся ключ, что порядком меня удивило, ведь Кирилл не должен был вернуться с работы так рано, а следом муж влетел в квартиру ураганом и, добравшись до кухни, потребовал ответа:

– Ты была у Марианны и расспрашивала её о наших с нею отношениях?

Ответить я не успела, потому что у меня тут же отыскался адвокат в лице лучшей подруги.

– Только не говори нам, Михайлов, будто ты сейчас возмущён тем фактом, что твоя жена была вынуждена отправиться к этой твоей дамочке, у которой то ли молоко, то ли что другое на губах не обсохло! – заявила она, вскочив из-за стола и уперев руки в боки.

Эта тирада стала столь неожиданной, что теперь мы с мужем делили удивление – одно на двоих. И я бы даже не удержалась и хохотнула, если бы не была сейчас напряжена, словно туго натянутая тетива.

– Не буду! – заявил он в ответ, складывая руки на груди. – И предпочту говорить обо всём один на один с моей женой, а не со штатом её подруг.

Парамонову аж перекосило. Она стала хватать ртом воздух, подбирая слова. Уж чего-чего, а за словом в карман Лерке лезть было не нужно.

– Лер... Спасибо тебе большое за помощь и за то, что выслушала, – обратилась я к подруге, протянув руку и взяв её под локоть.

Она обернулась ко мне и уставилась вопросительно. Я помнила те дни, когда Парамонова уговаривала меня не прощать Кира ни при каких обстоятельствах. Мы с нею дружили уже очень давно, и всегда, когда речь заходила об изменах – теоретических, разумеется – всё сводилось к одному: предателя простить – себя не уважать. Но в тот момент, когда я сама с этим столкнулась и почувствовала на своей шкуре, каково это, все мои догмы рухнули, как карточный домик.

– Понятно. Уходи, Лера, я сама справлюсь. Так? – прищурившись, уточнила она у меня. Я кивнула.

– Именно так. Я справлюсь с изменщиком сама, – ответила уверенно и тут же ощутила, каким возмущением наполнилось пространство.

Исходило оно от Кирилла, а вот Лере мои слова пришлись по душе. Она вскинула подбородок, улыбнулась мне и прежде, чем удалиться с царственным видом, проговорила:

– Если что, я тут неподалёку.

Затем вышла из квартиры, отправившись домой. Жили Парамоновы в пяти минутах ходьбы от нашего дома, поэтому мы частенько навещались друг к другу в гости по поводу и без.

– Лера была права? Ты собираешься защищать грудь свою Мари от потрясений в виде приходов к ней законной жены? – спросила я, встав из-за стола и сложив руки на груди в защитном жесте.

Михайлов тряхнул головой и, оперевшись ладонями на спинку стула, опустил голову. Непослушный вихор волос упал ему на лоб, и теперь Кир стал выглядеть как-то по-мальчишески задорно. Таким он вполне подходил внешне Марианне, так что в общих компаниях, наверное, при взгляде на них и мысли ни у кого не возникнет о разнице в возрасте. Ибо в свои тридцать три Кирилл был весьма и весьма моложавым. И почему я вообще об этом думаю? Может, оттого, что уже мысленно попрощалась со своим статусом замужней женщины?

– Нет, Аня, я не собираюсь этого делать, – ответил Кирилл. – Но предпочту во всём разобраться сам. И без советов со стороны – уж тем более.

Ах, вот оно что! Старая песня о главном. Сиди-ка ты, Аня, и жди, пока муж поймёт, желает ли он преодолевать семейный кризис или же ему лучше ложиться в койку к молоденькой девчонке, на десяток лет его младше. Знаем, проходили. И тогда я действительно считала, что нам нельзя всё рушить и достаточно будет просто поработать над отношениями, исключив третий лишний элемент, но сейчас всё было иначе.

– Нет, Михайлов. Разбираться со всем сам ты больше не будешь. А если вбил себе в голову, что я стану вновь ждать, пока ты наиграешься во вторую измену – вон бог, а вон порог, что называется.

Я указала дрогнувшей рукой на выход из квартиры, на что Кирилл приподнял брови и устроился за столом, как бы говоря: я готов к диалогу.

– Марианна сказала мне, что вы снова встречаетесь. Что ты позвал её поужинать, где признался в любви и подарил кольцо, – начала я, внимательно наблюдая за выражением лица мужа.

Он хмурился, словно силился припомнить, когда с ним в принципе могло случиться то, что я озвучила.

– Это неправда. Да, мы говорили с Мари о нашем прошлом расставании, но речи про то, что я уйду от тебя и мы с нею поженимся, не шло.

Он уйдёт от меня, ну надо же! Не «моя жена не сможет простить ещё одну измену и выставит меня за дверь», а «я уйду от тебя». То есть, Кир ясно давал понять: только он решает, останемся ли мы вместе, или нет. И пока небеса мне благоволят, раз он пока ещё со мной.

Я фыркнула и продолжила:

– Извини, но у меня не вяжется всё это воедино. Да, мы говорили не так давно, что у нас новый кризис, видимо, связанный с рождением Алисы...

– Дочь здесь не при чём! – с жаром заявил Михайлов, но я упрямо закончила:

– У нас новый кризис, связанный с появлением Алиски, и ты не смог справиться с трудностями и пошёл по пути наименьшего сопротивления, вновь отыскав себе бабу, но всё ведь гораздо серьёзнее, Кирилл.

Наши взгляды скрестились. В моём наверняка полыхала вся та боль, которую не высказать, в какие бы слова ни старалась её обернуть. Во зелёном взоре мужа был настоящий кавардак из самых разных чувств и эмоций.

– Ты снимаешь ей крутую квартиру. Ты едешь к ней после работы... Ведь едешь же, я права? Вы ведь спите? Я же не дура, чтобы думать иначе.

Михайлов сделал глубокий вдох и вдруг ошарашил меня ответом:

– Да, мы с ней занимаемся сексом, Аня. Но лишь потому, что мне это очень нужно, как любому нормальному мужику. Однако это не значит, что ради своей похоти я буду разрушать нашу с тобой семью.

Он так просто и легко говорил об этом, словно мы обсуждали, не стоит ли начать покупать Алиске подгузники на размер побольше. А может, я действительно стала клушей-мамой, которой больше ничего не нужно, раз даже сейчас в сравнениях думаю о памперсах и прочей ерунде?

– Хорошо, Михайлов, будь по-твоему, – кивнула я. – Занимайся сексом хоть с Мари, хоть с гаремом шейха. И семью, как ты выразился, разрушать мы не станем. Правда, называться с этих пор она будет иначе. Мама-папа в разводе и ребёнок.

Кирилл очень тяжело вздохнул, словно объяснял мне сейчас какие-то элементарные вещи, а я их, в силу своей тупости, не понимала и даже не собиралась понимать.

– Ань... как только ты восстановишься после тяжёлых родов и снова у тебя появится хоть проблеск желания ко мне, я забуду Марианну и даже думать перестану в сторону других женщин.

Говоря это, Михайлов следовал за мной, а я... я отправилась делать то, чего, как надеялась раньше, совершать не придётся. Сбирать вещи Кирилла.

– А, поняла. То есть, я всегда должна быть начеку, так сказать.

Вытащив сумку, я стала кидать в неё вещи с полок мужа, особо не разбираясь, что в итоге отправится с ним к Мари в качестве приданого. В процесс сборов муж не вмешивался, просто наблюдая за ними со стороны.

– Как только у меня случатся мигрени, и я не смогу с тобой лечь в койку – ты сразу побежишь к другим и это будет нормой. Как только я устану с ребёнком или на работе, ты тоже задержишься и не придёшь домой на ночь. Как только я просто не захочу секса – а такое, представь себе, бывает! – помчишься на поиски той, с кем можно спустить пар. А я ведь предупреждена... Я должна молча это проглотить.

Нагнувшись, я подняла сумку, заваленную доверху вещами, и вручила её Михайлову. Вернее, попыталась это сделать, но он её не взял. Пожав плечами, я направилась к входной двери, кое-как её открыла и выставила вещи в коридор.

– Ань, ты утрируешь, – покачал головой Кирилл. – Если бы отсутствие секса исчислялось сроком в неделю-другую, я бы это понял и принял. Но его у нас нет месяцами!

– Да потому что я лежала на сохранении! Я еле ходила перед родами! Потом едва родила сама и не без последствий! А сейчас прошло всего два месяца. Два, Кир! Даже в самых обычных ситуациях врачи советуют не начинать половую жизнь раньше этого срока.

Я всплеснула руками, потому что была вынуждена объяснять мужу совершенно очевидные вещи.

– Это не говоря уже про лактостаз, с которым я справилась практически на днях. Да я если о чём и могу думать, так это о том, чтобы выбраться на час одной и просто переключиться с материнства на что-то иное. А ты мне говоришь – мне насрать на твои проблемы и чувства, ублажай меня. А если не сделала – я ушёл спать с другой!

Я повысила тон, и в комнате проснулась Алиска. Захныкала, что означало всегда одно и то же: если не подойти и не удовлетворить потребности дочери, которые сводились к самым простецким вещам, вскоре она разойдётся и будет кричать на весь дом.

– Всё, Кир... я устала. От тебя, от твоей нечистоплотности, которую ты пытаешься прикрыть моей виной. От этого бессмысленного разговора, – произнесла я, глядя на мужа. – Иди к Мари. Там тебе дадут, там не будет вопящего ребёнка. Отдохнёшь, развеешься...

– А вот я не устал! – заявил уверенно Михайлов. – Тем более, Алиса вообще меня не напрягает никак и ничем.

С этим поспорить я не могла. Кирилл всегда в вопросах, касающихся дочери, был на подхвате и никогда не пренебрегал своими обязанностями. В общем, вёл себя как любой нормальный отец.

– Иди, Кир... я дико хочу просто побыть одна.

Направившись к Алиске, я вытащила её из кровати и, устроив на руках, села в кресло, где обычно кормила малышку. Дочь успокоилась сразу, это означало, что прикладывать к груди и менять памперс было не нужно, ей просто стало одиноко.

Через несколько минут входная дверь открылась и закрылась, а в замочной скважине повернулся ключ. И я, услышав этот звук, испытала чувство острого сожаления. И желание пойти за мужем и пока он не уехал, попросить его вернуться.

Но осталась на месте. Сидела и испытывала острую боль, приправленную горечью, какая бывает на вкус только у сильного яда. Он и растекался по моим венам, отравляя нутро. Но так было лучше. Точки были расставлены, Мари получила моего мужа. Хотя должна была обрести его ещё два года назад.

Я опустила взгляд и грустно улыбнулась, глядя на Алиску. С другой стороны, тогда бы у меня не было самого дорогого человечка на свете. Значит, там, в прошлом, я всё сделала верно.

И теперь, в настоящем, тоже. По крайней мере, в данный момент я пыталась убедить себя в этом, чтобы не свихнуться.

На следующий день, возвращаясь после прогулки с Алиской, подходя к дверям в подъезд, я первым делом увидела нашу машину, припаркованную у дома. Обычно в это время Кир был на работе, и что сейчас делал в нашей квартире, воспользовавшись моим с дочкой отсутствием, оставалось только гадать. Но я очень надеялась, что если муж и заехал за оставшимися вещами, то сделал это без своей Марианны.

Добравшись до входной двери, я поняла, что у меня сердце не на месте – так сильно оно колотилось. Когда же вошла в прихожую, тут же нашла глазами обувь Кира. Пара кроссовок в гордом одиночестве. Фух.

Сам муж обнаружился в нашей спальне, из которой вышел и тут же принялся помогать мне с коляской. Завёз её вглубь квартиры, вынул из неё Алиску, которую устроил на сгибе локтя.

– Что ты здесь делаешь? – потребовала я ответа безо всяких приветствий.

Михайлов пожал плечами.

– Вернулся домой, – ответил он, как ни в чём не бывало.

Я посмотрела, куда он указывает рукой. Ага, всё ясно. Притащил обратно шмотки, сумка из-под которых и валялась в углу прихожей. Это разозлило, но вновь паковать барахло Кирилла, выставлять его прочь, а потом менять замки было такой себе идеей. Зато в голову пришла другая, которая мне ну очень понравилась.

– Это ненадолго, – пообещала я Кириллу. – Но пока ты здесь, посиди с дочерью. Мне нужно отлучиться на какое-то время.

Брови мужа приподнялись. За два месяца с момента родов я отходила от Алиски дай бог на полчаса, которые тратила на то, чтобы понежиться в ванне.

– На какое время? – не без опаски в голосе уточнил Кирилл.

Я пожалала плечами и, прихватив с собой зонтик, потому что собирался дождь, ответила:

– А что такое? Ты боишься не справиться, папаша?

– А ты берёшь меня на понт? – переложив Алиску удобнее, поинтересовался Михайлов.

– Так всё же справишься и посидишь, – без тени вопроса в словах, сказала я. – Отлично.

Не забудь её поскорее переодеть, чтобы у дочери не было теплового удара, – напутствовала я мужа, после чего вышла из квартиры.

На сердце моём было тяжело, но я решительно направилась, сама не зная, куда, чтобы не дать слабину и не вернуться обратно. В морозилке были запасы молока, которые я сделала, расцеживаясь постоянно. На всякий случай, если мне придётся, например, пить антибиотики и ненадолго прекращать грудное вскармливание, были куплены бутылочки в достаточном количестве. Подгузники Алиске Кир менять умел, так что проблем с тем, чтобы он посидел с дочерью, а я могла пару-тройку часов посвятить себе, ни у меня, ни у Михайлова возникнуть было не должно. Но знала бы я, чем завершится этот день...

Идея позвать Лерку, чтобы составить план ближайших действий, пришла мне минут через десять бесцельного блуждания по парку. Подруга, разумеется, как и всегда, заявив, что одна голова хорошо, а две – это практически женский совет, против которого не устоит ни один мужик, предложила встретиться в кафе.

С неба уже начал накрапывать противный мелкий дождик, поэтому приглашение посидеть в тепле, выпить что-нибудь вроде молочного коктейля и поболтать с пользой для дела, я восприняла с радостью.

– Итак! Всё по порядку! Срочно рассказывай! – велела мне Парамонова, которая разве что не припрыгивала от нетерпения на месте.

Пока мы ждали заказ, я поведала ей и о явлении мужа, и о том, что оставила с ним Алиску. Когда говорила об этом, в сердце кольнуло тревогой, потому я спешно переключилась на ту тему, которая совсем недавно казалась мне несбыточной. Развод. И стоило только Лерке закивать одобрительно, как раздался звонок от Михайлова.

Я с огромным трудом удержалась от того, чтобы не схватить телефон и не ответить на входящий вызов. Когда же прошло несколько секунд, подошла и тут же услышала на фоне надрывный крик дочери.

– Алиса голодна! – безо всяких предисловий заявил Михайлов, процедив эти слова в трубку.

– И что? Ты не сможешь её накормить? – поинтересовалась я.

– У меня ещё сисек не отросло, если ты не заметила! – рявкнул муж. – Тише-тише, сейчас мама придёт, – проговорил он следом, обращаясь к дочери, которая, судя по её крикам, вопила уже не первую минуту.

– Мама не придёт, – отрезала я, начиная злиться. – У мамы важные дела. А сиськи у тебя даже если и отрастут, можешь радовать ими Мари, но никак не Алису! Потому что в морозилке есть молоко, а в кухонном ящике бутылочки. Один раз дочь поест так, в этом нет ничего страшного.

Мне показалось, что в тишине, которая послышалась в ответ, было столько угрозы, что в любой другой ситуации я бы даже испугалась. Но не сейчас. Потому что не сделала ничего из того, за что могла бы испытывать хоть каплю вины, чёрт бы всё побрал!

– Хорошо, – ответил после паузы Михайлов и отключил связь.

А я, отложив телефон и чувствуя себя не в своей тарелке, проговорила, глядя на Лерку:

– Давай делами займёмся, чтобы я отвлеклась и мы с тобой встретились не без пользы, – попросила Парамонову.

Она кивнула и, открыв на мобильном каталог адвокатов, начала зачитывать вслух краткие резюме.

Вернулась я домой через два часа, справедливо посудив, что с одинарным кормлением Михайлов уж точно справится, а когда будет выставлен мною за дверь, я уже продолжу ухаживать за дочерью в привычном нам обоим режиме.

Как только вошла в квартиру, сразу поняла, что в ней есть кто-то посторонний. И, судя по разношенной женской обуви, что стояла в прихожей, это была, слава всем святым, не Марианна. Потому что в противном случае я даже не стану смеяться над её отвратительным вку-

сом, позволяющим надевать настолько растоптанные шлёпанцы, а просто выволоку за порог за волосы.

– Ещё можно пустышечку давать. А если не берёт, так мёдом смазать, – услышала я жуткие вещи, когда разулась и прошествовала в детскую.

Рядом с кроватью, в которой мирно спала Алиска, стояли Кирилл и какая-то незнакомая мне женщина. А в самой квартире отчего-то пахло жжённым пластиком.

– Никаких пустышечек и уж тем более мёда, боже упаси, моя дочь употреблять не станет, – проговорила я, подходя к кровати и оттесняя тем самым незнакомку.

– А я так, между прочим, трёх детей вырастила! – с вызовом ответила женщина, когда я, убедившись, что с дочкой всё в порядке, повернулась к ним и вопросительно взглянула на Кирилла.

Откуда он взял эту непонятную бабу, возраст которой вот так сходу было не определить, я не знала. Да и знать не желала. Неухоженная и какая-то злобная, она сразу вызвала у меня неприятие, которое отталкивало до мурашек.

– Я очень за вас рада, – соврала в ответ. – Кир, проводи её, пожалуйста, а потом вернись за вещами и поезжай домой.

Михайлов бросил на меня взгляд, полный агрессии, но просьбу выполнил. Они с дамочкой удалились из детской. А я, меж тем, прошла на кухню, где с ужасом увидела картину маслом. Дорогущие бутылочки были испорчены, видимо, толстой раскалённой иглой от шприца, которым Кирилл пытался увеличить дырочки на сосках. Молоко, так тщательно собранное мною и замороженное в специальных упаковках, валялось на столе и уже разморозилось... Так что его можно было теперь смело отправлять в мусорное ведро. Я чуть не застонала от вида этой вакханалии, которая лишь отчасти нарисовала мне то, каким вандализмом здесь занимался муж... А потом на смену горькой отчаянности пришла злость.

И когда Кирилл вошёл в кухню, а я обернулась к нему, по нашим скрещённым взглядам и накалившейся добела атмосфере стало ясно: не миновать скандала, которого эта квартира ещё ни разу не видывала.

– Объяснись немедленно! – велела я мужу, указывая на разгром.

Возмущение на его лице было таким искренним, что если бы я не была настолько расстроена происходящим, даже бы, наверное, посмеялась.

– Объяснись?! Это ты мне? – ответил Кир. – Сама шаталась хрен знает где, пока ребёнок тут заливался плачем... А я – объяснись?

– Ребёнок был с отцом! – повысила я голос. – Или хочешь сказать, что с тобой Алиске грозит опасность? Учту на будущее!

Я ещё раз обвела рукой стол.

– Что это такое? Зачем ты испортил все бутылочки и почему здесь была какая-то идиотская женщина, которая чуть не угробила нашего ребёнка советами по кормлению мёдом? – процедила я.

Михайлов сложил руки на груди и медленно, словно объяснял примитивные вещи тупому подростку, проговорил:

– Ты купила дурацкие бутылки. Наталья сказала, что отверстия в них маленькие и их нужно расширить нагретой иглой.

– Кто такая Наталья?

– Экстренная няня! – буквально выплюнул в ответ муж.

– Таких женщин берут в агентство? – не удержалась я от искреннего удивления.

– Это было частное объявление.

Я прикрыла глаза и досчитала до трёх, чтобы не схватить что-нибудь и не броситься этим в мужа. Он притащил в дом чужую неухоженную бабу, которую нашёл чёрт знает где!

– Эти соски специально сделаны для кормления малышей! Как ещё у тебя Алиса не захлебнулась, когда ела? – воскликнула я, выбрасывая в мусорку и бутылочки, и запасы размёрзшегося молока. – И зачем ты уничтожил столько еды? Думаешь, мне легко все это даётся? Сцеживаться? Замораживать, снова сцеживаться?

Я начала закипать, но вместе с негодованием ощущала ещё и дикую обиду. Мне было так себя жаль! За то, что сейчас всё это получала на ровном месте! За то, что муж выливал на меня свой гнев.

– Тебе просто не нужно было уходить и бросать ребёнка! – заявил Михайлов, наблюдая за тем, как я отправляю в ведро всё, что валялось на столе. – Ты сама говорила, что до определённого возраста детям нужна только мама.

– Ах, как удобно! – притворно восхитилась я. – Свалить всё на несчастных матерей и жить-поживать спокойно. Спать с молодухками, нянчить дочь, когда захочется, а не когда нужно. – Я аж задохнулась, говоря всё это. – И да! Ребёнку в таком возрасте нужна лишь мать, но это не значит, что я должна быть привязана к дому и не имею права отлучаться хотя бы на пару часов!

Всё это было бесполезно. Эти объяснения, споры и скандалы. Оставлять Алису с Киром я теперь буду вряд ли. Потому что каждую минуту его будет нужно контролировать, звонить и держать руку на пульсе, чтобы он не притащил домой какую-нибудь очередную чудо-Мэри-Поппинс. А в этом случае об отдыхе даже и речи не пойдёт...

– Знаешь, мне кажется, Марианна бы так с нашим ребёнком никогда не поступила, – процедил муж, глядя на меня.

И я не смогла больше сдерживаться. Подлетела к Кириллу, выписала ему звонкую пощёчину. Пока он не оклемался – выдала ещё одну, и ещё.

– Так иди к ней! Сволочь! Иди к ней и пусть она тебе рождает ребёнка, которому станет гораздо лучшей матерью, чем я! – завопила, переходя едва ли не на ультразвук.

Алиска проснулась и огласила квартиру громким криком. Я метнулась к шкафу, в котором Кирилл уже успел разложить свои чёртовы вещи, схватила их и потащила к выходу. Выброшу в коридор и пусть он собирает трусы и носки по всему этажу! Или привезёт свою Мари и будут они искать Михайловское добро вдвоём.

– Аня, стой! – закричал Кирилл, хватая меня за руку.

Я не удержала вещи и они упали на пол. Выдернув локоть из захвата Кира, я стала пинать несчастные рубашки и штаны к выходу, входя в какое-то состояние изменённого сознания. Возможно, оно меня испугает, когда я успокоюсь и проанализирую то, как себя вела. Но сейчас мне на всё плевать!

– Уходи! Убирайся! Убирайся! – кричала я, открыв дверь и выпинывая вещи.

– Аня! Перестань! – гаркнул муж, схватив меня за плечи и ощутимо тряханув.

Да так, что у меня клацнули друг о друга зубы. Это отрезвило. Я смотрела в лицо мужа, на котором был написан испуг, и в отражении его глаз видела себя. Растрёпанную, взбешённую, неузнаваемую...

– Я уйду... и не вернусь, не переживай, – проговорил он глухим голосом, в котором сквозило столько эмоций, что от них у меня мурашки по телу побежали.

Он отпустил меня и отстранился. Вышел, так и не собрав вещей и просто ушёл. А я какое-то время постояла, глядя вслед Кириллу, после чего заперла дверь, проигнорировав тот факт, что в коридоре валяется одежда, которая пахла так по-родному, так славно...

Пройдя к Алиске, вытащила из кровати плачущую дочь и приложила её к груди. Она тут же зачмокала, получив то единственное, что ей так было нужно – маму и чувство безопасности. Я же, напротив, не смогла сдерживаться и из глаз моих потекли жгучие слёзы, которые, как я знала, закончатся ещё нескоро.

Вчера к Марианне он не пошёл. Переночевал у друга, потому что знал одно: если появится у Мари на пороге, это будет означать, что он окончательно сделал свой выбор.

Какое-то время, когда Аня выставила его вон, Кирилл чувствовал себя обиженным великовозрастным ребёнком. Это было неправильно, и Кир это понимал, но ничего не мог с собою поделать. У них с женой всё было прекрасно, но лишь до момента, когда беременность не стала Ане настолько в тягость, что её уже не хватало ни на что. Не говоря уже про секс, отсутствие которого Михайлов воспринимал очень остро.

Были и разговоры, точнее, его намёки. Были и попытки удовлетворяться без жены, в гордом одиночестве, однако совсем скоро у Кирилла, как у собаки Павлова, на подобное осталась лишь одна реакция – словно его регулярно били током. А так и до импотенции было недалеко.

Встречу с Марианной у общих знакомых Кир воспринял как знак свыше. Первое время ещё совесть не позволяла окунуться в любовный угар, но когда тормоза сорвало, Михайлов, наконец, пришёл к тому, чего так долго желал. Тогда уже и мыслишки появились: а правильно ли они с женой поступили, когда прошли через его измену, что тоже не появилась на ровном месте, а имела чёткие причины? Он думал об этом, а изнутри его снедали угрызения совести: как можно жалеть о сделанном, если результатом этого примирения стала их Алиска, в которой он души не чаял?

И вот сейчас он снова был изгнан Аней, на этот раз, видимо, навсегда. Конечно, он останется отцом их дочери, но о том, чтобы спасти их трещащий по всем швам брак, пожалуй, можно забыть.

Кир, немного пораздумав, всё же отправился к Мари, собираясь сказать ей, что с этих пор они будут жить вместе. Он хотел посмотреть на реакцию молодой любовницы на эту новость. Ведь одно дело встречаться в свободном режиме, а другое – быть бок о бок и вести совместный быт.

Когда вошёл в квартиру, открыв дверь своим ключом, первое, что увидел – грязный след от мужского ботинка в прихожей. В последний раз, когда он здесь был, возле входной двери было чисто, а оставить его сам Кир не мог. В том, что касалось чистоты, он был весьма педантичным.

Пока разувался, в голове зароились воспоминания о том, как они с Мари встретились у приятелей. Она тогда была в компании странного мужика, который был старше неё чуть ли не раза в три. Но на все вопросы о нём Марианна отвечала, что это просто друг. До сего момента в личное пространство любовницы Михайлов не лез. Но если они будут вместе не только делить постель, но и жизнь, такие вопросы придётся брать на контроль.

– О! Кирюша! – не скрывая удивления, воскликнула Мари, когда он вошёл в комнату без стука.

Раз уж велика вероятность того, что они будут теперь жить на одной площади, пусть привыкает.

– Маш... я же просил не дымить здесь кальяном... – проговорил он, глядя на то, как Марианна встаёт с дивана, на котором сидела, курила ароматный табак и что-то смотрела в ноутбук.

– А я – просила не называть меня Машей, – парировала она.

Быстро убрала всё, отнесла на кухню раскалённые угли и вернулась.

Когда он снимал для Марианны эту квартиру, особенным условием со стороны арендодателей было отсутствие курящих людей в помещении. И Кирилл клялся и божился им, что ни шумных вечеринок, ни каких-либо нарушений договора по части «дымовых завес» здесь не будет.

– Он не остаётся в виде запаха, – заверила его Мари, подходя и начиная ластиться к нему, как кошечка.

Михайлов, прижав её к себе одной рукой, всё равно строго проговорил:

– И тем не менее, я не разрешаю здесь дымить...

– Но они придут проверять квартиру совсем нескоро! – запротестовала Мари.

– Я не разрешаю. Я! Услышь меня, пожалуйста.

Возможно, сказано это было довольно строго, но Марианне, на удивление, это понравилось. Правилось и Киру, особенно когда Мари об него потёрлась. Однако, возбуждение, которое любовница вызвала, исчезло, стоило только ей сказать:

– Слушаюсь, папочка.

Михайлов поморщился и, высвободившись из объятий Марианны, отошёл к дивану. Устроился на нём, мельком взглянул на экран ноутбука. Опять какие-то аниме или как там это называется...

– Не нужно так ко мне обращаться, ты же знаешь, – сказал Кир и прежде, чем Мари бы ответила, добавил: – Как ты помотришь на то, чтобы мы съехались? Я уйду от жены и перееду сюда. Придётся тебе, конечно, потесниться... но вроде ты была не против, чтобы я оставался здесь ночевать. А я предлагаю не только ночёвки, но и совместную жизнь.

Он растянул губы в улыбке, но она очень быстро померкла, когда Кирилл увидел по реакции Марианны: она совсем не рада тому, что услышала.

Даже показалось, что на лице Мари мелькнуло что-то вроде испуга. Интересно даже стало, чего она опасалась? Совместного быта, или того, что её свободная жизнь завершится? Но ведь Марианна должна была понимать, когда они вместе искали эту квартиру и она настаивала на том, что апартаменты должны быть недешёвыми, – в бирюльки он играть не будет и рано или поздно сделает свой выбор. Тем более, что жена обо всём узнала довольно быстро, чему сейчас, по факту, он был только рад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.